

В ЛЕГИТИМНОМ ДИСКУРСЕ

о церемонии награждения лауреатов премии Союза журналистов; "Очень хочу русскую любовницу" - интервью с Сотомайером, олимпийским чемпионом по прыжкам в высоту; "Кинобабник Никоненко купил ложе любви, чтобы сдать его в музей" - о коллекционере предметов, связанных с жизнью Есенина; "Елена Образцова не раз снимала Григоровича" - об увлечении певицы фотографией, и т.п.).

Герой одной из заметок произнес фразу, которая могла бы стать девизом газеты: "о сексе - основе всего сущего - не думают лишь женщины, пережившие климакс, и мужчины-импотенты" ("Комсомольская правда"-97, № 16). Такого рода высказывания, правда, всегда принадлежат разным экзотическим персонажам (в данном случае - грузинскому полицейскому, который намеревается создать национал-сексуальную партию), журналисты же придерживаются по отношению к ним иронической интонации. В то же время "личная жизнь", важной составной частью которой являются интимные отношения, представляет собой один из явных фокусов газеты. В любом интервью, с кем бы оно ни бралось: с кинозвездой, писателем или политиком - следуют обязательные вопросы про семью, про любимого человека, про предыдущие браки и разводы. Даже у президента Польши корреспондент интересуется, правда ли, что его звали "Лешек-красавчик" и не ревнует ли его по этому поводу жена.

Семья в "Комсомолке"-97 обладает, конечно, совершенно другой смысловой нагрузкой, чем в газетах советского периода. Это уже не "ячейка общества", а частное дело супругов, но кроме того, если советская семья репрезентировалась в газете как некая гармоничная целостность, то современная семья предстает в виде арены разнообразных бурных событий, где заметную роль играют измены и разводы. Вообще, разводы упоминаются в полтора раза чаще, чем свадьбы.

В то же время между старой и новой "Комсомолкой" есть и определенная преемственность: наряду с сексом, который был для газеты советских времен "запрещенной формой репрезентации", базовой формой гендерных отношений для пост-советской газеты является также романтическая любовь. Правда, теперь доминирующим ее оттенком становится не сентиментально-мелодраматический, а драматический. Одна из частых тем для "Комсомолки"-97 - интервью или статьи о вдовах различных знаменитых людей: Марине Влади, Альбине Листьевой, Екатерине Гордеевой, Марии Бродской. Каждая из них предстает трагической героиней, жизнь которой посвящена отныне сохранению памяти о покойном муже (например: "Сердца публики принадлежали маленькой фигуристке, чье имя неизменно произносили рядом с другим. Спустя 14 месяцев после трагедии в Лейк-Плэсиде Екатерина Гордеева вышла на лед без Сергея Гринькова... Она сказала в вечер своего нового триумфа: "Я была сегодня не одна. Я каталась с Сережей" (материал "Снежинка из стали", "Комсомольская правда"-97, № 9). "Еще два года назад свою жизнь Альбина Назимова делила на две части - "до Влада" и "вместе с ним". Теперь, после гибели мужа, для нас наступил третий период, когда приходится словно заново учиться ходить. Наверное, поэтому на некоторые мои вопросы Альбина и отвечала: "Пока не знаю. Я еще маленькая. Мне всего два года..." ("Комсомольская правда"-97, № 17). Из приведенных фрагментов видно, что носителями "бессмертной любви" по-прежнему являются женщины, ни одного мужчины, тоскующего о мертвой возлюбленной, на страницах газеты найти нельзя.

Вообще, "Комсомолка"-97 оказывается ближе остальных газет к традиционной трактовке роли женщины. Хотя ее героини - чаще всего известные, яркие женщины, но все время подчеркивается, что особую роль для них играет личная жизнь, семья, муж, дети (например, большая статья об актрисе Наталье Аринбасаровой называется "Жить с тем, кого любишь", и уже в подзаголовке подчеркивается, что она была первой женой режиссера Андрона Кончаловского - "Комсомольская правда"-97, № 11). Характерно, что практически все женщины, которые удаляются интервью или которым посвящены большие по объему материалы, - спортсменки, актрисы или поп-звезды, т.е. по сути - секс-символы. И даже когда интервью берут у женщины-политика, то этим политиком оказывается Алессандро Муссолини - бывшая актриса и фотомодель. И вопросы ей задают такие, какие вряд ли бы стали задавать мужчине-политику: одежду какого цвета она предпочитает и как относится к адюльтеру ("Комсомольская правда"-97, № 17).

Женщина на страницах "Комсомолки"-97 всегда прежде всего женщина. И даже более того: представления о том, что это значит - быть женщиной, часто демонстрируются откровенно сексистские. Так, актриса Александра Захарова на вопрос читательницы, сильная ли она личность, отвечает следующим образом: "Ой, нет. Я частенько веду себя по-женски и глупо. Например, иду в магазин и покупаю ненужные вещи..." - "Серьезно?" - "Да, причем, знаете, какие-нибудь карандашики для ресниц, помаду второсортную. И уже вроде веселей" ("Комсомольская правда"-97, № 8). Вообще, пристрастие к косметике считается непременным атрибутом женщины: в газете цитируется письмо в "Комсомолку" от 29 января 27-го года, в котором парни с завода "Свет шахтера" выступают против того, чтобы их коллеги-комсомолки применяли "буржуазную краску, пудру и т.д.", в ответ на что возмущенные "комсомолки начинают ругаться самыми неприличными словами" ("Комсомольская правда"-97, № 16), т.е. встают на защиту своей "женственности".

Особая категория женщин, о которых пишет "Комсомолка"-97 - подружки и

поклонницы знаменитостей. В газете есть специальная рубрика "Пишу кумиру", в которой печатают отрывки из писем поклонников и поклонниц поп-звезд, причем отрывки выбирают самые "цветистые" и нелепые, например: "Валерию Меладзе. Сегодня будет твой концерт в Перми. Ты будешь красив, ты будешь прекрасен... Но

я снова не смогу увидеть тебя... Сегодня я спокойна. Слезы, истерика - психический срыв был вчера, сейчас мне хорошо, ведь "даже в аду бывает несколько часов передышки"... Я люблю тебя! Ты понимаешь меня?! Я для тебя ничто... Сохрани хоть каплю жалости, ответь мне, любимый..." ("Комсомольская правда"-97, № 22). Это - патетический вариант, другие письма носят откровенно порнографический характер. 80% таких писем написано женщинами. Позиция газеты понятна: таким образом разоблачаются издержки культа поп-идолов, но существует еще и подтекст - репрезентирован образ женщины как психически неуправляемой истерички или нимфоманки.

Итак, женщина на страницах "Комсомолки-97" предстает легкомысленной сексапильной красавицей, способной, однако, на сильные чувства. Она зависима от мужчины психологически. Именно мужчина чаще всего выступает инициатором развода, женщина же принимает свою долю страдания (говорит фигуристка Ирина Воробьева: В 93-м ... оставил семью муж Игорь Лисовский, с которым прожили 14 лет. Я была в ужасном состоянии" ("Комсомольская правда"-97, № 4). Бывшая жена актера С.Шакурова жалуется, что их с дочерью даже не пускают к нему в больницу, и просит передать через газету, что они его "всегда любили, любим и продолжим любить!" ("Комсомольская правда"-97, № 13).

При этом в "Комсомолке"-97 женщины практически не бывает жертвой.

Прочитав еще одну характерную для "Комсомолки"-97 статью с неожиданным названием "Какого пола ваш автомобиль?" Она написана женщиной, которая в первых строках признается: "Женщин как таковых я вообще терпеть не могу. В друзьях у меня сплошные мужики, собаки в доме - одни кобели, даже ребенок мой не как-то там девочка - лапочка - пупсик кудрявый, а сын, мужичок то есть". Затем она рассуждает о том, что машины тоже имеют "разный пол" в зависимости от технических характеристик, и в подтверждение этого приводит полный набор самых жестких патриархальных стереотипов о том, что значит быть "мужчиной" или "женщиной": "Конечно, дамы покапризней, поизнеженней. Дама может легко упасть в обморок даже от самой незначительной поломки... А попробуй забыть долить масло - крик поднимет немедленно... А если все-таки дама раскапризничалась и сломалась на дороге, можно слегка припугнуть ее, сказав в пространство: "Да-а, пора эту машину менять..." И все. Она починится мгновенно. Сама.

С машиной-мужчиной единственный способ сосуществовать мирно - это стать ему другом... И ни в коем случае не подлизываться - уважать перестанет... Но уж зато ломается мужик сразу и насмерть. Вроде только что ехал, а на самом деле не ехал - пыжился-тужился из последних сил, доказывал что-то кому-то, страдал молча и гордо..." ("Комсомольская правда"-97, № 17).

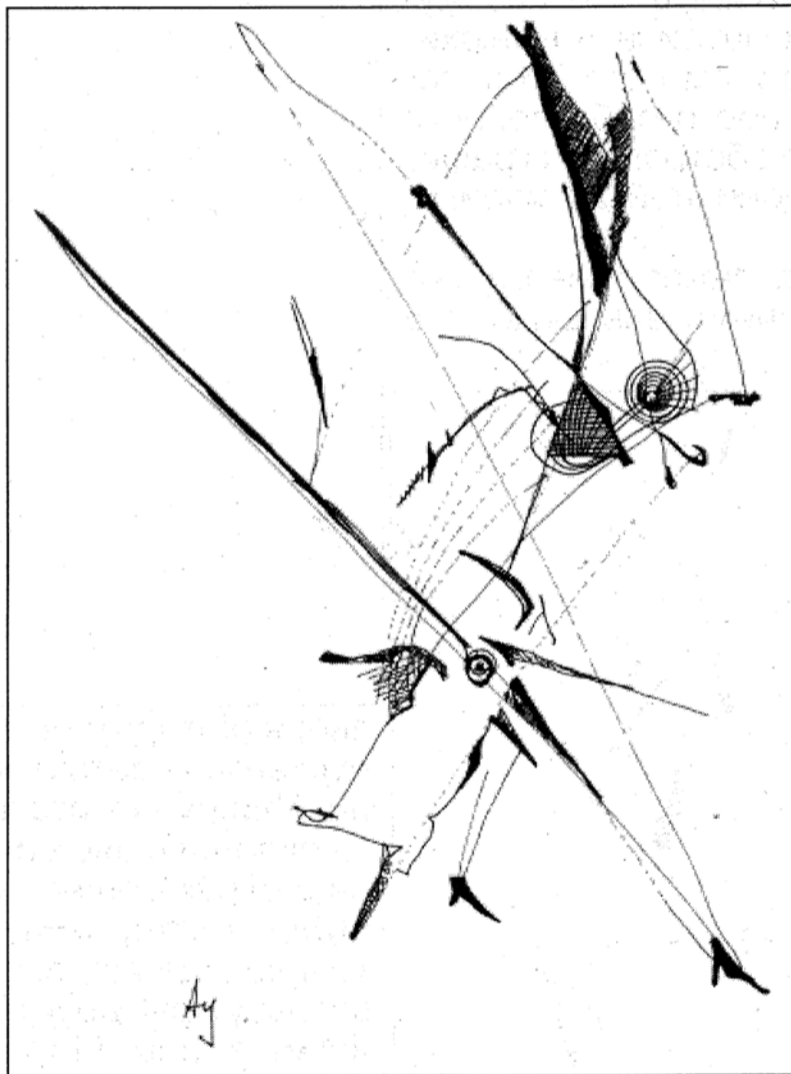
Нередки и статьи о проституции, причем некоторые из них носят "справочный характер": интервьюируемый сутенер рассказывает о таксе с клиента, о новых видах услуг, предоставляемых проститутками (обслуживание в бане), о проблемах, которые возникают с правоохранительными органами ("Комсомольская правда"-97, № 9). Тон заметки скорее даже сочувственный, чем нейтральный, да и называется она соответственно: "Берегите тружениц горячего цеха!".

Таким образом, за ироническими текстами самой массовой газеты, обращенной к молодежной аудитории, с удивительным постоянством воспроизводятся патриархальный дискурс, причем степень объективизации и стереотипизации женских образов такова, что не уступает журналам для мужчин типа "Плейбой".

Мужские персонажи, как и во всех остальных газетах, имеют меньше личностных черт, чем женщины, поскольку являются более деятельными, чем рефлексирующими.

Государство и семья на страницах "Комсомолки-97" вообще не пересекаются, и это не удивительно: поскольку речь идет обычно об отношениях конкретных, известных всей стране (а иногда и всему миру людям), поп-идолов, а все их личные коллизии уникальны и единичны, что не мешает описывать их с помощью газетных штампов, они как бы не составляют социальной проблемы и служат лишь источником удовлетворения любопытства.

Видеоряд "Комсомолки"-97 несколько чаще, чем в других рассматриваемых в этой статье газетах, включает в себя женские образы: 56,1% всех фотоперсонажей - мужчины, 22,7% женщины, на 21,2% присутствуют мужчины и женщины вместе.

(окончание следует)